

□

Проблема формирования имиджа страны напрямую увязана со сложившейся в государстве социумной системой. В зависимости от характера развивающихся в социумном пространстве взаимодействий программа имиджирования страны приобретает различные акценты. Последние, собственно, и составляют суть имиджевой работы, которая строится на оттенках и полутонах, отражающих понимание психологии всех активно присутствующих в общественном поле сил. Проблема формирования имиджа страны напрямую увязана со сложившейся в государстве социумной системой. В зависимости от характера развивающихся в социумном пространстве взаимодействий программа имиджирования страны приобретает различные акценты. Последние, собственно, и составляют суть имиджевой работы, которая строится на оттенках и полутонах, отражающих понимание психологии всех активно присутствующих в общественном поле сил.

В условиях ведущихся ныне демократических рыночных преобразований в России наблюдается постепенное утверждение элементов чисто денежной фаустовской стилистики, которые с немалым трудом всё же пробивают себе дорогу, правда, не совсем *exemplum* [1] классических моделей. В сравнительно-историческом контексте между западным и российским мирами отчётливо просматривается граница дифференциации, старой доброй латынью выражающаяся следующим образом: *ducunt fata volentem, nolentem* [2]. Имеется в виду тернистый путь фаустовских интенций, которые в разное время пытались «прижить» и культивировать на российской державной почве отечественные апологеты европейской панорамы перспективного развития.

Весьма интересно, на наш взгляд, в таком контексте исследовать отражение доминирующего на Западе консьюмеризма, «потреблятельства» – этой эволюционно-исторической формулы фаустовского денежного мышления – в советской действительности, чтобы в определённом смысле понять состояние современного российского социума. Иначе говоря, немаловажно прояснить, насколько консьюмеризм естественен (противоестественен) реалиям «Востока-Запада»? Есть ли область соприкосновения, позволяющая в таком ключе говорить о некоторой ценностной идентичности двух миров? Или же в этом вопросе выделенные цивилизационные линии никак не соприкасаются?

Консьюмеризм, вообще говоря, термин многозначный. Здесь мы понимаем под ним особую психологию вещного восприятия и усвоения информационного мира, информациологической действительности, характеризуемую имущественной содержательностью жизненных приоритетов и индивидуальной субъектно-личностной аксиологической шкалы.

Начнём, пожалуй, с констатации того факта, что консьюмеризм, как социальный феномен, характеризующий высокоразвитое прежде всего в научно-техническом плане общество, выступает субстанциальной модификацией не только общественного интеграла, но и конкретного индивидуально-личностного содержания. Вопрос стоит так: была ли почва для развития потребительских интенций в бывшем СССР [3]? И если да, то какой качественной природы?

После Великой Отечественной войны, конечно, стране было не до жиру. Её восстанавливали из руин, не считаясь с жертвами. Голод царил на просторах Союза, но идеологический пресс быстро выпестовал образ нового врага, на сопротивление с которым тратились все имевшиеся в наличии ресурсы. Как в сказке – «из огня да в полымя» – флагманский линкор социализма от «горячего» противостояния перешёл к «холодному». Мобилизационная идеология, утвердившаяся в предвоенное десятилетие, укрепившаяся патриотическим порывом народа в ходе жестоких битв не на жизнь, а на смерть с «коричневой чумой XX века», действовала с безотказной убойностью, превращая любую индивидуальность в полезный или бесполезный винтик государственной машины. Человек полностью растворялся в обществе, в общественном интересе, а общество, в свою очередь, абсолютно ассимилировалось государством и державными задачами. И речи не могло идти ни

о каких разумных компромиссах между частным и государственно-социумным ввиду «величия коммунистической перспективы», служение которой объявлялось и долгом, и честью, и совестью сознательного гражданина. Только такой контекст «развития личности» соответствовал формату социалистического строительства, которое всегда велось «на пределе сил во враждебном империалистическом окружении». Достаточно взглянуть на партийно-советские документы той поры, составленные с применением полувоенной и откровенно военной терминологии, чтобы понять, насколько всеобъемлющим, нетерпимым и безжалостным был Молох советского возрождения.

С другой стороны, если рассматривать деятельность ленинской, сталинской и постсталинских команд с 20-х годов, то нельзя не отметить специфический глобально-пространственный контент предлагавшихся обществу программ социумного переустройства. (Здесь мы берём только общую панораму свершений, оставляя за скобками методы достижения поставленных целей. Об этих методах немало сказано, начиная с XX партсъезда, и общий смысл оценок как раз подтверждает вещный принцип отношения социалистического государства к своим гражданам.) Электрификация страны, Днепрогэс и Комсомольск-на-Амуре, Беломоро-Балтийский канал и освоение Сибири, БАМ и целинная эпопея, уникальные научные свершения и прорыв в космос, а также многое другое – всё это несомненные признаки подспудной фаустовской эмиссии в сознание партийно-политической элиты и затем рядовых граждан, без трудового энтузиазма, масштабной целеустремлённости и непреклонной нацеленности на победу которых ничто из перечисленного было бы попросту невозможно.

До Великой Отечественной войны насильственный характер пространственной парадигмы подъёма и развития, свойственный, вообще говоря, петровской реформаторской традиции, не вызывает сомнения. Но вот страна как будто оправилась от страшных ожогов военного и послевоенного лихолетья, залечила раны, реанимировала промышленность и колхозно-совхозную деревню, вооружилась атомной, а потом и водородной дубинами, наполнила прилавки магазинов самым необходимым ширпотребом, телефонизировалась и радиофицировалась, открыла, наконец, космическую эру и востребовала притягательную мощь телевидения. Мобилизационные технологии свою историческую миссию выполнили, и их постоянная активизация больше не требовалась в обстановке изменившихся социумных реалий. «Наш бронепоезд» замер «на запасном пути», изредка постреливая неглавным калибром в сторону локальных мировых (ну, иногда, как мы знаем, и внутрисистемных или чисто внутренних) конфликтов. Новые поколения его «обслуги» только по книгам и фильмам знали героическое прошлое. А безоблачное настоящее – с гарантированной работой и зарплатой (пусть и сравнительно небольшой), с бесплатным образованием и здравоохранением, с весьма приличной системой социальной защиты и высокой степенью уверенности в завтрашнем дне – не требовало особого физического и морального напряжения, свойственного моментам трагических переломов.

Если есть время и возможность не только винтовку чистить, но и заниматься подсобным хозяйством, книги и газеты почитать, радио слушать (в том числе и враждебные «Голоса»), телевизор смотреть, барахлишко какое-никакое прикупать, волей-неволей начинаешь задумываться, как бы так обустроить собственную жизнь, чтобы она помягче, послаще да потеплее была. Чего надеяться на будущий «коммунистический пряник», когда есть возможность сварганить «социалистический леденец»? Да и вожди партийно-советские всех мастей и уровней погоды у моря не ждали – в своем настоящем по-человечески жили и другим пример соответствующий показывали, который, как известно, весьма и весьма заразителен...

Чем дальше, тем больше речи о «светлом будущем» в устах советских лидеров постсталинской генерации воспринимались в юмористических тонах. Даже анекдот такой симптоматичный возник: сидит Рабинович, слушает по радио поэму Маяковского «Ленин». Диктор читает: «Мы говорим партия – подразумеваем Ленин. Мы говорим Ленин – подразумеваем партия...» И думает Рабинович огорчённо: «Пятьдесят лет говорим одно, а думаем совсем другое...»

Застой и его одиозный символ – «дорогой Леонид Ильич Брежнев» – конечно, не из анекдота выросли, но и не одной лишь логикой экономического развития страны объясняются. Вещное отношение к человеку, абсолютно необходимое на этапах утверждения системы, проведения насущных модернизационных программ, защиты Родины, в период недолгого «царствования» Н.С. Хрущёва и после его остракизма партийной элитой постепенно ослабевает, всё более отчётливо замещаясь имущественно-накопительными стимулами получившей, наконец, относительную свободу и правосубъектность индивидуальности – т.е. содержательно расширяется. И этот акцент афишируется вполне легально под лозунгом «постоянного и неуклонного повышения благосостояния народа», которому, как помнят ещё ветераны, уже к 1980 году обещали «райские кущи коммунизма».

Опять же и технико-технологическая оснащённость советского общества куда как выросла. На смену мотыге, кирке, лопате и тачке – этим контекстуально-имиджевым символам сталинской эпохи – пришли трактора, комбайны, самосвалы, электровозы, новые технологии добычи и переработки сырья, уникальные средства связи и коммуникации, в техническом плане практически не уступавшие западным аналогам.

Изменились, соответственно, и люди, и сама система. Потому-то «железный занавес» Сталина с конца 50-х годов на деле превратился в сито, ячейки которого год от года становились всё более широкими и лояльными в отношении растущих потребностей советских людей. Разумеется, идеологические приоритеты свято оберегались; что же касается культурных и имущественных предпочтений, то тут уступка следовала за уступкой. Даже славная во всех отношениях советская милиция, даже «страшный и ужасный» КГБ едва ли не сквозь пальцы смотрели на такие «мелочи», как спекуляция европейским фирменным барахлом, парфюмерией и электроникой, распространение журналов и книжек фривольного содержания, музыки, кино- а затем и видеопродукции...

Но ведь все указанные «мелочи» обнимются понятием «стиль жизни»! Уж где-где, а на Западе быстро научились делать его «обёртку» и яркой, и красочной – так что разоблачения «гнилой природы империализма, его вопиющих полюсных контрастов», не сходявшие с газетных полос, книжных и журнальных страниц, с голубых телевизионных и киноэкранов, год от года звучали всё менее убедительно. Принцип «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» внутри страны в этом контексте действовал с точностью до наоборот: стоило однократно оценить качество дизайна телевизора «Panasonic», машины «Mercedes» или хотя бы обычного джинсового костюма «Wrangler», как многословная анафема капитализму превращалась в свою полную противоположность.

О чём мечтали советские граждане, пережившие сталинскую «прополку» и войну, тем более, шедшие им на смену молодые поколения? О «сияющей коммунистической перспективе»? Разумеется, нет! Это современные «демократические примитивисты» пытаются представить советское общество как монолит «совков», жаждавших варёных колбас и туалетной бумаги. На деле советские всегда были нормальными людьми и стремились к реально возможным благам, гарантированным Конституцией: переехать из коммуналки в «хрущобу», а затем – в стандартный благоустроенный микрорайон (на селе – выстроить собственный домишко), обставиться «стенкой», мягкой мебелью, телевизором и холодильником, приобрести «Москвичок» или «Жигулёнок», да и дачный участок никому и никак помешать не мог – для подспорья, отдохновения и обеспечения полноты пенсионной жизни. И средства для реализации своих желаний выбирались, в основном, не вступающие в противоречие с Уголовным кодексом – как и завещал своим согражданам незабвенный «сын турецко-подданного».

Великолепно иллюстрирует психологический портрет советского человека застойного времени отечественная киноклассика – такие фильмы, как «Ирония судьбы, или с лёгким паром», «Гараж», «Москва слезам не верит», «Любовь и голуби» и т.д. Указанные четыре киноленты приходят на ум, конечно же, далеко не случайно: во-первых, это советская Россия, которая нас и интересует excellence [4]; во-вторых, в каждой из них довольно объективно запечатлены и советская реальность, и целая палитра советских человеческих типов.

Что касается последних, с какой меркой к ним не подходи, а это совсем не «совки» – в той

расшифровке, которая общепринята с подачи наших версификаторов! Скорее, перед нами... консьюмеры советского образца, выгодно отличавшиеся от западных собратьев и человеческими качествами (нет в них захватнической целеустремлённости и всепоглощающей страсти наживы, фетишизации индивидуального обладания вся и всем; чётко выраженное стремление улучшить свой быт, свою жизнь не выпирает за рамки господствующей морально-нравственной системы), и особого рода созвучием, даже до некоторой степени зависимостью от утверждённого обществом понимания субъектно-социумной гармонии.

Вспоминается в этой связи эпизод из киноленты «Гараж» (во всех отношениях – замечательный фильм-памятник горбачёвской перестройке!), когда члены правления в лучших традициях административно-командного стиля вычёркивают из списка счастливицов (коим «светит» иллюзорная надежда стать обладателями кооперативного автобуса) ветерана войны, но немедленно и безоговорочно отступают под давлением локального общественного мнения, которое, оказывается, не просто существовало, но и выполняло функцию важного социумного регулятора на уровне межсубъектных взаимодействий. Multum, non multa [5] скрывает эта сцена, которую сценарист и режиссёр логически усиливают далее самоосуждением старого разведчика, афористически выраженным примерно так: «Сегодня я с собой, нынешним, в разведку бы не пошёл...» – потому что в последовавшем далее рассмотрении наиболее подходящих (т.е. бессловесных, беспомощных) «кандидатур на отчисление» он не позиционировал сразу и однозначно свой протест по факту явного нарушения эгалитаристской традиции, укоренённой в массовом советском сознании и ярко выделенной в финале фильма безусловной победой принципа жеребьёвки.

Можно было бы привести и другие примеры подобного рода, но и этого достаточно, чтобы сделать вывод о развитии и существовании в советском социуме специфического ментального феномена, который вполне критично обозначить как эгалитарный консьюмеризм. Он генетически связан с доминантной имущественно-денежной стилистикой советского застоя, но не «дорастает» до «чистого» консьюмеризма западного образца именно ввиду коллективистской общественной парадигмы, исторически закрепившейся в советском геноме в роли главного регулятора субъектно-социумных и субъектно-субъектных взаимодействий.

Эгалитарный консьюмеризм – явление чрезвычайно любопытное. С одной стороны, он носит ярко выраженный протестный характер, поскольку идеальным целям, рекламируемым официальной государственной идеологией и её немногочисленной элитарной службой, интуитивно понимавшей, кстати говоря, абсурдность предлагаемых к реализации идеально-идеалистических императивов и в очень слабой мере уповавшей на них, противопоставлено естественное стремление массы рядовых граждан наиболее полно удовлетворять свои потребности.

С другой стороны, существует понимание «разумного предела» вещной доминанты, которая отнюдь не превалирует над ментальной сферой. Образование, наука, культура, духовное развитие, подчёркнутое уважение и развитие национальных традиций, признание значимости и практическое следование интернациональным принципам – всё это существует в виде незыблемых перфекционистских приоритетов, которые куда лучше, чем деструкции задыхающейся планово-социалистической экономики, охраняют общество от катализации чисто «потреблятской» коррозии. Она подспудно идёт, однако процесс не только не стимулируется искусственным образом, но и, наоборот, замедляется – теми самыми официальными идеалами, которые как будто бы никто всерьёз и не воспринимает. То есть роль последних в управлении массовым и индивидуальным сознанием сказывается весьма ощутимо. И это, надо отметить, весьма определённо цементировало всю социумную структуру сверху донизу.

Развитию эгалитарного консьюмеризма способствовало и особое отношение к труду, культивировавшееся принятой экономической моделью. Количественный фактор безусловно доминировал над качественными показателями, что не могло не вызывать ощущения бессмысленности, нецелесообразности деятельности гигантского хозяйственного механизма. Перепроизводство одних товаров и услуг, как правило, удовлетворявших самым неприятным вкусом, первичным, так сказать, потребностям, не компенсировало

недостачу товаров и услуг, соответствовавших довольно высокому в 70-е и 80-е годы XX столетия уровню развития советского общества, выражавшемуся, в частности, в значительной дифференциации самой избирательной потенции граждан. Одним – и дешёвый хлеб с маслом казался пределом мечтаний; другие – перебирали марками машин и не считали это великим достижением.

Возросла покупательная способность, никак не удовлетворявшаяся военизированной до крайней степени оборонно-наступательной промышленностью СССР. Люди складывали деньги «в чулок», потому что не имели возможности обменять их эквивалентно на потребительные стоимости, либо затаривались впрок – совсем не обязательно золотом или иными драг. металлами и камнями, имевшими, грубо говоря, полукриминальную репутацию, чаще – банальной «бытовухой»: телевизорами, пылесосами, стиральными машинами, холодильниками, коврами и т.п. Такого рода «вещизм» стал яркой приметой времени, поскольку эпидемия накопительства приобрела характер повальной. Экономически нецелесообразный труд с необходимостью вёл к экономически нецелесообразным тратам; не мотивированный ни материально, ни социально трудовой ресурс, лишённый осмысленной перспективы, по большей части вхолостую расходовал и производственную, и бытийно-бытовую энергетику. Соответственно, потребление выразилось через далёкое от сиюминутной консьюмерной аффлюэнзы (потреблятства) накопление массы вещей на долгосрочную перспективу.

Одно из следствий такой экономической ситуации – рождение дефицита, который охватил буквально все стороны советской действительности – от продуктов питания до книг, от мебели до электротоваров, от импортной сантехники до жилплощади и гаражей... В конце концов, совершенно логично он превратился в особый рычаг социумно-социального регулирования. Постепенно сложился специфически-дефицитный стиль жизни, в рамках которого эгалитарно-консьюмерная ментальность получила окончательное оформление [6]. Обладание любой дефицитной вещью стало служить признаком особого статусного уровня, и погоня за стильными, модными, «навороченными» элементами быта превратилась в самоцель, чем дальше, тем больше приобретая уродливые формы. Самое интересное, в массовом порядке речь не шла о каком-либо «эксклюзиве». Как правило, всё ограничивалось довольно примитивным ширпотребом.

Эгалитарный принцип опосредовал развитие особого «иерархизма» советского социума, который имел многоуровневую сложную структуру. Противоречия между деревней и районом, районом и городом, городом провинциальным и областным (краевым, республиканским), между столицей и остальной страной и в управленческом, и в научно-техническом, и в духовно-культурном планах проявлялись весьма ярко – что тоже прекрасно отражено в советском искусстве вообще и киноискусстве в частности. Возникли и оформились в специфические социумные феномены политическая, научная, литературно-культурная, военно-силовая, промышленная, торговая, провинциальная и колхозно-совхозная элиты и советский квазиплебс. Именно квазиплебс, потому что разделявшие социумные группировки границы были весьма лабильны и не носили в общем случае характера кастовой дифференциации.

Действительно, привилегированное положение рабочего класса поддерживалось государственно-идеологической верхушкой через разветвлённую систему разнообразных преференций: достаточно вспомнить и соотнести между собой уровни зарплат промышленных рабочих и интеллигенции, приоритетность поступления в партию или получения жилья и т.п.

Аналогичный иммунитет, по существу, распространялся и на союзное пролетариату (не в плане только лишь большевистских деклараций, но и в смысле кардинального практического «перевоспитания» и практической же системы поддержки) колхозно-совхозное крестьянство, которое в третьей четверти XX столетия добилось-таки освобождения от понимаемой широко государственно-крепостной неволи.

Далее, культурная революция большевиков главным своим перспективным результатом имела формирование весьма мощного слоя советской интеллигенции, основная часть которой не представляла собой наследственного образования, но «рекрутировалась» непосредственно

из, так сказать, пролетарско-крестьянской среды. Соответственно, интеллектуальная сердцевина общества, в том числе и управленческий аппарат самого разного уровня (вплоть до высшего – ЦК КПСС и его Политбюро), постоянно обновлялись, хотя динамика этого процесса и основополагающие принципы его оставляли желать много лучшего.

Конечно, интегральный показатель культуры в такой ситуации значительно усреднялся, что и сказалось, в конце концов, на качестве советских лидеров. Уже Сталин практически не оставил после себя в руководящей «верхушке» личностей, способных адекватно реагировать на усложнявшиеся вызовы времени – и не потому, что сознательно сформулировал себе такую задачу, а потому что «кухаркины дети», привлечённые различными способами и по различным основаниям к управлению страной, обладали весьма невысоким уровнем индивидуальных культурных потенций. Это ярко выражалось, например, в их властно-ролевой некомпетентности – интеллектуальной, социальной, эмоциональной, а в завершающей стадии стагнационной фазы ещё и физической.

Далее всё развивалось в соответствии с логикой известной формулы Питера Лоуренса: «Некомпетентность плюс некомпетентность равна некомпетентности» [7]. Более того, абсолютно подтвердилась справедливость едкого замечания этого же автора: «...даже искренние усилия устранить некомпетентность на высшем уровне могут привести лишь к воцарению некомпетентности одновременно на многих уровнях. При таких обстоятельствах неизбежно разбухание административного аппарата» [8]. Причём количественный прирост никак не коррелировался качественным развитием интеллектуально-управленческой элиты. В результате получилась законченная «жёсткая» модель социумного управления, в которой некомпетентность самовоспроизводилась автоматически по всем направлениям сверху донизу. Это не значит, конечно, что абсолютно все в СССР были дилетантами в своих профессиональных областях, это значит только, что выше некоторого уровня (иногда довольно высокого, но чаще...) доступ профессионалам надёжно перекрывался ввиду их слабой комплиментарности, то бишь отсутствия «политического нюха» и склонности к интриганским играм.

Параметр некомпетентности, очевидно, крайне важен и в плане понимания причин утверждения системного инварианта социалистического масскульта. Сближение культурных полюсов элиты и массы, в разных контекстах естественное и для консьюмерной фаустианы, и для советского народа, оплодотворённое достижениями коммуникативно-информационных технологий, не могло не привести к рождению духовно-ментальных суррогатов, в СССР получивших ёмкое определение «попса». В принципе, так *fide* [9] пренебрежительно называли западный попкульт, не замечая, разумеется, «бревна в собственном глазу» – быстрой «попсовизации» отечественной культуры.

Кстати, один из ярких примеров реактивного сближения пролетарско-крестьянско-интеллигентского культурных контентов и слияния их в диковинный советский ментальный симбиоз – необыкновенная популярность на всех общественных уровнях песенного творчества В. Высоцкого, которому, как представляется, удалось в своих балладах отразить (прежде всего на русско-российском материале) духовную пафосно-эпатажную и в значительной степени эгалитарно-консьюмерно-попсовую модель всесоюзного социумного модуса. В текстах признанного барда важна именно степень аксиологической «центровки» советской бытийности, которая коррелирует со степенью массовых и элитарных спекуляций эгалитарно-консьюмерного толка. Фактическое возрождение и безусловная валоризация накопительно-имущественной парадигмы пронизывают многие его тексты красной нитью. Мало того, сам процесс этот не выглядит контрпродуктивно в сравнении с западным консьюмеризмом, поскольку впервые в российской истории огромное большинство граждан начинает жить в том числе и «для себя». Тем самым подрывается коллективистская «круговая порука», что в плане перспективы способствует зарождению зачатков нормального гражданского общества. Особо отметим – совсем не западного образца, а вполне советского, которое демонстрирует потенции открытой в социально-политической и духовной сферах системы.

Впрочем, в роли *deus ex machina* [10] продолжает выступать социалистическое государство, что существенно ограничивает гражданские инициативы любого рода, кроме идеологически заданных. Советский индивид не может ругать своих партийно-государственных боссов (даже самого низкого уровня) с такой же степенью интенсивности и широковещательности, как, скажем, это позволяет себе среднестатистический янки, адресующийся к американским чиновникам и публичным лидерам – вплоть до президента. Гражданский запал советского человека расходуется на анекдоты и кофейно-кухонные дискуссии, т.е. выражается в своеобразном и довольно массовом сопротивленческом паллиативе, далёком от практического радикализма.

Тем не менее, даже эти робкие протесты показывают, что гомогенизация советского социума до некой «совковой» ментальной подосновы не произошла. Имела место необычная культурная конвергенция, в рамках которой дифферент духовных потенциалов интеллигенции и остального населения колебался в незначительных пределах. Разумеется, были интеллектуалы – такие, допустим, как Ю.М.Лотман, А.А.Зиновьев или вовсе опальный А.И.Солженицын, но ведь единичные случаи в общей картине погоды не делали. И постперестроечный шабаш, завершившийся насильственным и нелегитимным уничтожением СССР (вопреки волеизъявлению народа, выраженному референдумом), только подтвердил лишний раз, что ни истинно духовная, ни даже просто управленческая элиты, способные повести народ за собой и без катастрофических потрясений реорганизовать с учётом исторических вызовов сформировавшиеся социумные базис и надстройку, в советской атмосфере не состоялись.

Что же касается эгалитарного консьюмеризма, развивавшегося и по вертикали, и в горизонтальных плоскостях советской социумной структуры, то к концу 70-х годов XX столетия, т.е. к закату брежневской эпохи, он исчерпал свою потенцию. Люди стремились жить лучше, но в рамках социалистической экономики, под гнётom жёсткого идеологического пресса реализовать свои стремления дальше не могли: максимум допускавшихся системой степеней свободы был достигнут и даже превзойдён.

Ю.В.Андропов попытался восстановить прежние мобилизационные схемы для организации социумной стихии застоя и вполне закономерно потерпел фиаско: психологический климат общества уже ориентировался на другие ценности, открыто конфликтовавшие с партийной пустопорожней декларативностью, никого больше никак не убеждавшей.

М.С.Горбачёв во многом вынужденно изменил правила игры, позволил сдвинуть с нулевой отметки рыночные рычаги, чтобы высвободить социальную энергию и использовать её продуктивно. Однако действовал непоследовательно, не имея ни чёткой концепции, ни продуманного плана преобразований. Его метания только ещё больше дестабилизировали ситуацию, продемонстрировав иллюзорность поступательного высвобождения индивидуальной экономической инициативы в целях удовлетворения потребительской активности населения. Дело дошло до карточек, деньги окончательно превратились в бумагу, и этот имидж реформы советского премьера Павлова автоматически трансформировался в имидж стагнации всей социалистической модели (её политической и экономической структур) – стагнации, зримо проявившейся через убогость потребительской корзины. В немалой степени это и обусловило поддержку населением Ельцина, Кравчука и Шушкевича, которые обещали своим народам не один лишь суверенитет, но экономическое процветание, удовлетворение самых радужных потребительских мечтаний.

Вольно или невольно санкционировав разрушение Союза, население как будто отвергло эгалитарный консьюмеризм, но имиджевый фронт его переместился в новые исторические условия, существенно видоизменив свои параметры и характеристики. Это «наследство» советской системы упустили из виду наши «реформаторы», сосредоточившиеся на быстрой «капитализации» России с помощью «шоковой терапии» и разнообразных манипулятивно-обманных технологий. Но роль его в современной российской социумной палитре продолжает оставаться исключительной, благодаря чему полноценное имиджирование страны без учёта этого важного фактора представляется сомнительным, поскольку тем самым исключается целый пласт весьма мощных социальных ожиданий.

Природа последних, как было показано выше, коренится в нашем недавнем советском прошлом, которое поэтому обязательно должно присутствовать в проблемном спектре существующих и разрабатывающихся ныне государственных имидж-программ.

Психологический концепт социумного модуса не подвержен скачкообразным изменениям, наоборот, склонен к консервации наиболее устойчивых стереотипов, к которым, несомненно, относится и традиция эгалитарного консьюмеризма. Понимание её сути, думается, должно внести дополнительные коррективы в арсенал профессиональных имиджмейкеров, чему, надеемся, и послужит хорошим подспорьем наша статья.

[1] по образцу (лат.)

[2] ведёт судьба хотящего; упорного тащит (лат.)

[3] Напомним, что консьюмеризм как социально-социумная ментальная парадигма начал развиваться во второй половине XX столетия.

[4] преимущественно, по преимуществу (фр.)

[5] многое по содержанию, но в немногих словах (лат.)

[6] Вспоминается в этой связи знаменитый монолог Аркадия Райкина, суть которого сводилась к замечательной фразе: «У тебе дефицит – у мене дефицит. Значит оба мы – уважаемые люди...»

[7] Лоуренс Дж. Питер, Реймонд Халл. Принцип Питера. Главы из книги. // Перевод с английского Михаила Арского. / Иностранная Литература. № 8, 1971.

[8] Там же.

[9] чистосердечно, вполне искренне (лат.)

[10] бог из машины (лат.)